

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 120–124.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 120–124.

Научная статья
 УДК 7.07:929В
 doi: 10.54398/1818510X_2022_3_120

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАКСА ВЕБЕРА:
 СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Голубев Иван Сергеевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
 ivan-golubev-1997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-0583>

Аннотация. В статье анализируется концепция современного государства, разработанная в политической теории М. Вебера. Обращение к интеллектуальному наследию немецкого мыслителя, продиктовано актуальными вызовами современности, прежде всего, отчётливо наблюдающейся в наши дни общемировой тенденцией к существенному изменению места и роли государства в социально-политической организации современного общества. С целью реконструкции понятия современного государства, автор анализирует как основополагающие труды самого Вебера, так и работы известных отечественных и зарубежных исследователей его творчества. Посредством социально-философского и сравнительного анализа показано, что легитимное физическое насилие и бюрократия являются важнейшими признаками современного государства. Охарактеризована взаимосвязь предложенных Вебером и получивших широкое распространение в современной социальной науке, типологий легитимности политической власти и социального действия. Выявлена специфика современного бюрократического государства, проанализированы основные признаки бюрократии как способа организации политической жизни общества. Автор отмечает, что процесс бюрократизации является закономерным следствием возрастающей рационализации системы государственного управления и общественной жизни в целом. Делается вывод, что наиболее существенными признаками современного государства, согласно Веберу, можно назвать бюрократизацию политического господства, а также повышение роли насилия как главного инструмента легитимации политического порядка современного общества.

Ключевые слова: легитимность, насилие, современное государство, власть, бюрократия, политическое господство, рационализация, социальное действие, традиция, легальность

Для цитирования: Голубев И. С. Понятие государства в политической теории Макса Вебера: социально-философский анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 120–124. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_120.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE CONCEPT OF THE STATE IN THE POLITICAL THEORY OF MAX WEBER:
 A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ivan S. Golubev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
 ivan-golubev-1997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-0583>

Abstract. The article deals with the concept of the modern state in the political theory of M. Weber. The appeal to his intellectual heritage is dictated by the actual challenges of our time, especially, by the global trend towards changing the place and role of the state in the socio-political organization of modern society. In order to reconstruct the concept of the modern state, the author analyzes both the fundamental works of Weber and the works of well-known Russian and foreign researchers of his theoretical heritage. With the help of socio-philosophical and comparative analysis, it is shown that legitimate physical violence and bureaucracy are the most important features of a modern state. The relationship between the types of the legitimacy of political power and social action proposed by Weber and widely used in social science is characterized. The specificity of the modern bureaucratic state is revealed, the main features of bureaucracy as a way of organizing the political life of society are analyzed. The author notes that the process of bureaucratization is a natural consequence of the increasing rationalization of the public administration system and public life in general. It is concluded that the most significant features of the modern state, according to Weber, can be called the bureaucratization of political domination, as well as the increasing role of violence as the main tool for legitimizing the political order of modern society.

Keywords: legitimacy, violence, modern state, power, bureaucracy, political domination, rationalization, social action, tradition, legality

For citation: Golubev I. S. The concept of the state in the political theory of Max Weber: a socio-philosophical analysis. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 120–124. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_120.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Теоретическое наследие Макса Вебера вот уже более ста лет востребовано научной мыслью. Причём в различных её сферах: в религиоведении и в экономической теории, в правоведении и в методологии познания и, конечно, в социологии и в политологии, одним из «отцов-основателей» которой он может быть по праву назван. Такая разносторонность трудов немецкого учёного и мыслителя зачастую оборачивается тем, что обладающая необходимой

строгостью и полнотой, адекватная реконструкция его взглядов, становится достаточно сложной задачей. В полной мере это относится и к веберовской политической теории, прежде всего, к представленному в ней анализу феномена государства, его структурной организации и функций. Трудности, возникающие при этом, во многом, как раз и обусловлены, широтой научных интересов Вебера, что требует рассмотрения различных составляющих его учения и тщательного контекстуального анализа, употребляемых им терминов, поскольку даже основополагающие политологические понятия при использовании в различных работах, нередко определяются им по-разному, в зависимости от конкретной направленности исследовательского интереса и поставленной в данном случае познавательной задачи. Современный немецкий исследователь А. Антер, обращая внимания на эту особенность политической теории М. Вебера, пишет, что и понятие государства «используется им достаточно свободно» [12, р. 150]. Важно отметить также, что реконструкция разработанного Вебером понятия государства значима не только в теоретическом отношении, будучи необходимой для адекватной интерпретации его политического учения в целом, но также и практически. Эта практическая значимость обусловлена, также и необходимостью анализа актуальных политических процессов, приводящих к изменению роли государства в жизни современного общества.

Основная часть

Легитимность современного государства

Как отмечает один из авторитетных российских исследователей творчества Вебера, А. Ф. Филиппов: «Вебер писал много, принимался за несколько разных тем, переделывал тексты, вступал в полемику, часто болел, отвлекался и не имел возможности доделать начатое. Настоящих, полноценных монографий... при жизни не выпустил» [11, с. 5]. И, что касается государства, во многих текстах немецкого мыслителя встречаются различные характеристики этого феномена, так что целостное «учение о государстве» приходится «синтезировать», выделяя, с учётом различных контекстов, главное в веберовской мысли.

Важнейшей работой для анализа политической теории Вебера является, очевидно, «Политика как призвание и профессия». В этом докладе, он обосновывает известное определение государства как «монополии на легитимное физическое насилие» и формулирует основные принципы своей теории легитимности власти. «Именно в наше время, – пишет ученый, – отношение государства к насилию особенно интимно (innerlich). В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определённой области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия» [1, с. 645].

Специальный анализ Вебера, как он сам подчёркивает, не нацелен на поиск внеисторической сущности государства как такового. Напротив, – прежде всего, этот анализ призван раскрыть предельные основания именно современной формы существования этого фундаментального феномена социальной организации, выявить типологические характеристики государства эпохи Модерна. Как известно, для исторически предшествовавших последнему политическим союзам, насилие не являлось единственным, а, зачастую, и главным способом легитимации политической власти. И только в государствах «нового типа», согласно Веберу, насилие оказывается главным, а то и единственным средством поддержания легитимного политического порядка. Хотя, предлагаемое Вебером определение государства носит во многом служебный, контекстуальный, и в известном смысле, предварительный характер, тем не менее, оно имеет принципиальное значение для всего учения немецкого мыслителя. Именно такое понимание предназначения и особенностей функционирования современного государства позволило связать воедино, разрабатываемые им в разное время, теории бюрократии, типов легитимности власти и типов социального действия в рамках общей политической теории.

Понятие легитимности политической власти, и, шире, – легитимности как таковой, – неслучайно занимает особое место в политической теории М. Вебера. Он превратил его в «базовую аналитическую категорию, необходимую для понимания природы государственного правления» [12, р. 53]. Как известно, Вебер выделяет три идеальных типа легитимности политической власти: традиционный, харизматический и легальный. Эта классификация, принципиально коррелирует с разработанной им типологией социальных действий (от традиционного к аффективному, ценностно-рациональному и, в конечном счёте, целерациональному действию). Характеризуя такое соответствие типов легитимности власти типам социального действия, следует отметить, возникающий в рамках веберовской политической теории внутренний парадокс, анализу которого в современной социальной науке, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания. В общем виде, он может быть сформулирован следующим образом: хотя целерациональное действие считается самым «сильным», наиболее эффективным среди всех типов социального действия, формирующийся на его основе легальный тип политического господства, оказывается самым «слабым», обладает наименьшей легитимирующей силой, по сравнению с традиционным и харизматическим типами. Иными словами, несмотря на то, что традиционные и аффективные социальные действия, согласно Веберу, являются менее эффективными с точки зрения рациональной организации общественной жизни, в пространстве властных политических отношений, такие действия, на практике, более эффективны, для поддержания наличного политического порядка, чем сугубо целерациональная социальная активность.

Доминирование традиционного и/или харизматического (Вебер неоднократно отмечает их взаимодополнительность) обоснования легитимности политической власти в традиционных государствах было обусловлено, прежде всего, присущей им известной неразвитостью социальных институтов и устойчивостью социальной структуры, а также сравнительно незначительными изменениями общественной жизни в течение достаточно длительных периодов времени. Апелляция к религиозному учению, к авторитету и выдающимся личным качествам традиционного или харизматического лидера, в таком обществе, как показывает Вебер, является адекватным и, как правило, вполне достаточным средством для обеспечения легитимности наличного политического порядка. Это, в свою очередь, обуславливает, характерное для государственной организации традиционных обществ, отсутствие многочисленного функционально разветвлённого государственного аппарата и, прежде всего, многочисленных «стражей порядка», чьей исключительной прерогативой является применение насилия, и целого социального слоя государственных служащих – профессиональной бюрократии.

С ускорением темпов общественного развития, дифференциацией социальных институтов, а также постепенным распадом традиционных и все большей формализацией вновь возникающих социальных связей и норм, появля-

ются государства «нового типа». Естественное стремление руководящих элит таких государств к упрощению процесса управления требует его возможно большей формализации и рационализации, что закономерно приводит к необходимости создания специального органа, обеспечивающего политическое господство – узкоспециализированного, относительно автономного аппарата, «машины» предназначенной для упорядочения и стабилизации «по-новому» складывающихся отношений господства/подчинения. Иначе говоря, – «машины», которая регулировала бы способы и формы «производства» властных отношений. Неслучайно, по Веберу, именно метафора осуществления политической власти как производственного процесса характеризует современное государство, превратившееся, по сути, в «предприятие». Он подчёркивает, что «любое господство как предприятие, требующее постоянного управления, нуждается в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия» [1, с. 648].

В основе всякого современного предприятия как такового, лежит идея рационализации производственных процессов, которая «абстрагируется» от традиционных установлений и личных качеств. Фактически успешным («легитимным»), в случае политического предприятия) всякое производство делает, как известно, исключительно и только эффективность «конечного продукта». Но даже самая высокая эффективность производимого продукта не способна снять вопрос самолегитимации («производственной деятельности»), то есть желательности общественного одобрения того, что производится, теми, кто непосредственно занят в производстве. В таком случае, ссылка на формальную законность производственной деятельности может оказаться практически бесполезной, поскольку речь идёт о наличии глубоко внутреннего, экзистенциального мотива социального действия.

В этой связи, Вебер подчёркивает, что, поскольку «политика характеризуется господством, осуществляемым одними людьми над другими; а политическая власть – наиболее сильная форма власти, подкреплённая соответствующими социальными институтами и предполагающая наличие господина в системе отношений и подчинение ему» [8, с. 181], то «легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне» [1, с. 639]. И если в исторически предшествовавших политических союзах источником легитимации социального действия индивида была «прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить её с себя он не может и не имеет права» [1, с. 665], то в современном государстве, по мнению Вебера, практика политического господства этого не предполагает, поскольку основывается, прежде всего, на необходимости безусловного формального соблюдения безличного, «по определению», закона.

Соответственно, низкая эффективность сугубо легального обоснования господства/подчинения, порождает необходимость закрепления права пользования «последним средством», – принуждением к принятию определённой политической воли, что, согласно Веберу, и является наиболее характерным признаком современного государства «нового типа». Поэтому, действительно «новое» в современных государствах, – это не только все большая бюрократизация, как закономерное следствие возрастающей рационализации процессов государственного управления, но и сопутствующая ей, и столь же закономерно возрастающая, опора на физическое насилие как главное средство поддержания рационально организованного политического порядка. Именно насилие, в условиях выхолащивания внутреннего, экзистенциального обоснования социального действия (что, как отмечал Вебер, является обратной стороной всепоглощающей рационализации), остаётся, по сути, единственным, «работающим средством» обоснования правомерности актуального политического порядка. Современное бюрократическое государство уже не призывает индивидов к моральному, социально одобряемому традиционному поведению, – всякий гражданин должен подчиняться, прежде всего, законодательным нормам, закрепляющим образец, идеальный тип рационального поведения. А девиантное поведение пресекается в нем, главным образом, посредством применения (или угрозой) физического насилия, а уже потом (в известном смысле, по инерции) общественным порицанием. Иными словами, современное бюрократическое государство, противопоставляя законность (легальность) моральности, фактически отбрасывает, делает недейственными внутренние, экзистенциальные мотивы-обоснования социальных действий индивидов как нерациональные и именно это, вынуждает его вступать в тесную, внутренне закономерную («интимную» как говорит Вебер) связь с насилием, которое, таким образом, оказывается едва ли не единственным эффективным средством принуждения граждан к поддержанию (навязываемого) политического порядка.

Теория бюрократии Макса Вебера и современное государство

Поэтому закономерно, что анализ природы современного государства в социальной теории М. Вебера требует обращения к основным положениям теории бюрократии немецкого мыслителя. Оценка её научное значение, можно согласиться с замечанием Е. В. Осиповой о том, что «концептуализация этого современного варианта управления лучше всего удалась, как признается в социологической и политологической литературе» [9, с. 64] именно Веберу, который опираясь на неокантианскую методологию описал «идеальный тип» бюрократии, умозрительно сгруппировав ее наиболее существенные черты» [9, с. 64]. Показательно и то, что по свидетельству А. Антера, немецкого мыслителя «намного меньше интересовала проблема происхождения государства, в отличие от его структурной формы и способа функционирования, т.е. бюрократии» [12, с. 158] и, что именно феномен бюрократии является центральной категорией его политической теории и, соответственно, учения о государстве.

Одно из наиболее содержательных определений современной бюрократии в отечественной социальной науке, на наш взгляд, предлагает В. И. Спиридонова, которая отмечает, что сегодня анализ этого феномена не ограничивается пониманием бюрократии, как, прежде всего, «административного явления, предполагающего описание ряда недостатков функционального характера. Бюрократия – это не только способ осуществления работы в учреждениях и не только специфически организованный, по определённым критериям отобранный слой служащих. Бюрократия – это тип государственной организации и стиль жизни в обществе. Это определённый тип динамики развития и приспособления к процессам модернизации общества» [10].

Согласно Веберу, к формированию системы бюрократического политического господства приводит смена типов легитимации политической власти, обусловленная как объективными социокультурными закономерностями, так и конкретными действиями того или иного политического лидера, заинтересованного в концентрации и централизации власти, путём формирования собственного аппарата управления. Символом бюрократического государственного правления можно по праву назвать чиновника, поскольку в современных государствах именно чиновники являются носителями реальной политической власти. Сегодня, когда, как отмечает Вебер, ведущим мотивом, побуждающим индивида заниматься политической деятельностью, становится стремление к материальному обогащению, способы

и нормы функционирования работников аппарата управления на практике не всегда строго коррелируют с принятыми в том или ином обществе моральными нормами. Соответственно, решающим в такой ситуации оказывается ориентация на волю политического лидера, поскольку от неё, главным образом, и зависит уровень личного благосостояния. «Не случайно и осуществляющая этот тип господства формально-рациональная бюрократическая машина, – отмечает П. П. Гайденок, – должна служить исключительно «интересам дела»; её безличный характер полностью соответствует её «внеценностным установкам» [4, с. 89]. В силу этого, рост политического господства бюрократизированного аппарата управления, в конечном счёте, и приводит к возникновению современного бюрократического (по форме и содержанию правления) государства, которое М. Вебер определяет-описывает как: «организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определённой сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции» [1, с. 650–651].

Характеризуя специфику бюрократического государства «нового типа», немецкий мыслитель отмечает, что процессы бюрократизации не только видоизменили структуру социального действия индивида, но и в значительной мере противопоставили аппарат управления (коллективное государственное «я») конкретному «я» отдельного индивида. «Там, где бюрократизация управления доведена до конца, – отмечает Вебер, – создана практически нерушимая форма отношений господства. Конкретный чиновник не может вырваться из аппарата, в который он вовлечён. Профессиональный чиновник «...» включён в деятельность всей полнотой своего материального и идеального существования. Подданные, со своей стороны, не могут ни избежать уже существующего бюрократического аппарата господства, ни заменить его, ибо он базируется на профессиональном обучении» [3, с. 58]. Бюрократизация современного государства носит всепроникающий характер: бюрократия буквально пронизывает все сферы общественной жизни, а также регламентирует частную жизнь. В то же время, отказ от бюрократического политического господства едва ли представляется возможным, – главным и достаточно скорым последствием прекращения работы аппарата управления будет не всеобщая свобода, но общественный хаос.

Несмотря на всеобъемлющую критику современного бюрократического государства, Вебер, достаточно высоко оценивал феномен бюрократии как таковой, видя в нём закономерный результат развития европейской цивилизации. Рост «культурных потребностей» индивидов, технический прогресс, усложнение социальных связей находят, в конечном итоге, одну из форм своего воплощения в современном бюрократическом государстве, которое построено на принципе максимальной рационализации социальной жизни. «Там, где раз прошла бюрократизация управления, – отмечает немецкий мыслитель, – там создана практически настолько эффективная, насколько и непоколебимая форма господства», которой принадлежит будущее» [7, с. 72].

Таким образом, именно Вебер был, по сути, первым, кто концептуализировал феномен бюрократии как предмет научного исследования и системным образом охарактеризовал её слабые и сильные стороны. Он убедительно показал, что переход общественной жизни на «целерациональные рельсы» приводит к выхолащиванию её духовного содержания и, что обратной стороной модернизации политической жизни общества является возрастающая бюрократизация государственного управления. При этом принципиально важно отметить, что бюрократизацию как таковую едва ли можно отнести к «случайным» недостаткам или к «побочным» эффектам современного государства, – согласно Веберу, она представляет собой закономерное следствие самой природы последнего, основанного в большей степени на законе и насилии, чем на традиции и морали. «Будучи единожды полностью внедрённой, – отмечает он, – бюрократия оказывается одним из самых трудноразрушаемых социальных образований. Как инструмент обобществления отношений господства она поэтому была и остаётся важнейшим орудием власти того, кто распоряжается бюрократическим аппаратом» [3, с. 58], – орудием установления определённого политического порядка, значительно превосходящим по силе отдельных индивидов и даже многочисленные социальные группы. Тем не менее, несмотря на наличие столь серьёзных недостатков, бюрократия, как форма политической власти, обладает рядом не менее существенных достоинств, и, по мнению немецкого мыслителя, является необходимым условием полноценного функционирования государства сегодня.

Выводы

Закономерным результатом становления современного бюрократического государства, согласно Веберу, можно назвать возникновение немислимой прежде ситуации, при которой моральное самообоснование индивидом совершаемых им социальных действий может полностью расходиться с их правовой оценкой со стороны государства. Господство легального типа легитимации политической власти, в конечном счёте, предполагает принесение в «жертву» «в интересах» общества и государства личных интересов индивида, даже и в том случае, когда они соответствуют моральным нормам, но вступают в коллизию с формально-юридическими установлениями. В силу этого существующие в современном бюрократическом государстве отношения господства-подчинения могут успешно функционировать, в основном, лишь при условии совершаемых индивидом принципиально «калькулируемых» социальных действий. Ориентация индивидов на соответствие рационально-легальным нормам поведения постепенно вытесняет необходимость согласования мотивов поведения в рамках социального действия с коллективным культурно-историческим опытом, нравами и обычаями предков и современников. Таким образом, важнейшими признаками современного государства, согласно Веберу, являются рост бюрократизации, опора аппарата политического управления на легитимное физическое насилие и, как результат, – выхолащивание ценностного содержания политической и общественной деятельности, что может являться одним из факторов роста социальной напряжённости.

Список литературы

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 809 с.
2. Вебер, М. Политические работы (1895–1919) / М. Вебер ; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – Москва : Праксис, 2003. – 424 с.
3. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : [пер. с нем.] : в 4 т. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – Т. 4. Господство. – 542 с.
4. Гайденок, П. П. История и рациональность / П. П. Гайденок, Ю. Н. Давыдов. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.
5. Гайденок, П. П. Социология Макса Вебера / П. П. Гайденок // М. Вебер. Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–43.

6. Давыдов, Ю. Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой / Ю. Н. Давыдов // Этическая мысль. – Москва : ИФ РАН, 2006. – Вып. 7. – С. 83-109.
7. Катаев, Д. В. Типы демократического управления в социологии М. Вебера / Д. В. Катаев // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2009. – № 8. – С. 72–75.
8. Красненко, О. В. Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России / О. В. Красненко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12, № 3. – С. 180–189.
9. Осипова, Е. В. Бюрократия: «идеальный тип» и реальность / Е. В. Осипова // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. – Москва : ИФРАН, 2008. – С. 63–101.
10. Спиридонова, В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье) / В. И. Спиридонова. – Москва : ИФРАН, 1997. – 202 с.
11. Филиппов, А. Ф. К политической социологии Макса Вебера / А. Ф. Филиппов // Вебер М. Политика как призвание и профессия. – Москва : РИПОЛ Классик, 2018. – С. 5–37.
12. Anter, A. Max Weber's Theory of the Modern State: Origins, Structure and Significance / A. Anter. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – 226 p.

References

1. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress; 1990, 809 p.
2. Weber, M. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political writings (1895–1919)]. Moscow: Praxis; 2003, 424 p.
3. Weber, M. *Hozjajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushhej sociologii* [Economy and Society: Essays on an Understanding sociology]. Moscow: Vysshaja shkola ekonomiki; 2019, vol. 4, 542 p.
4. Gajdenko, P. P. *Istoriya i racionalnost* [History and rationality]. Moscow: Politizdat; 1991, 367 p.
5. Gajdenko, P. P. *Sociologiya Maksa Webera* [Max Webers Sociology]. *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress; 1990, pp. 5–43.
6. Davydov, Yu. N. *Etika ubezhdeniya i etika otvetstvennosti: Maks Weber i Lev Tolstoj* [Ethics of Persuasion and Ethics of Responsibility: Max Weber and Leo Tolstoy]. *Eticheskaja mysl* [Ethical thought], Moscow: IF RAN; 2006, iss. 7, pp. 83–109.
7. Kataev, D. V. *Tipy demokraticeskogo upravleniya v sociologii M. Webera* [The types of democratic governance in the sociology of M. Weber]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, no. 8, pp. 72–75.
8. Krasnenko, O. V. *Koncepcija vlasti M. Webera v issledovanii politicheskoy kultury Velikobritanii i Rossii* [Max Webers concept of power in the study of the political culture of Great Britain and Russia]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2009, no. 3, vol. 12, pp. 180–189.
9. Osipova, E. V. *Bjurokratija: "idealnyj tip" i realnost* [Bureaucracy as an ideal type and in reality] in *Bjurokratija v sovremennom mire: teorija i realii zhizni* [Bureaucracy in the modern world: theory and realities of life]. Moscow: IFRAN; 2008, pp. 63–101.
10. Spiridonova, V. I. *Bjurokratija i reforma (analiz koncepcii M. Kroze)* [Bureaucracy and reform (an analysis of M. Crozier's conception)]. Moscow: IFRAN; 1997, 202 p.
11. Filippov, A. F. *K politicheskoy sociologii Maksa Webera* [Toward the political sociology of Max Weber] in *Veber M. Politika kak prizvanie i professija* [Politics as a Vocation]. Moscow: RIPOL Klassik; 2018, pp. 5–37.
12. Anter, A. *Max Webers Theory of the Modern State: Origins, Structure and Significance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2014, 226 p.

Информация об авторе

Голубев И. С. – аспирант.

Information about the author

Golubev I. S. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.